

Алёна Жукова

Смертные грехи вещей

Притчи эпохи пандемии

Стулья (Гордыня)

Их было двенадцать. Хозяйка называла их венскими и хвасталась перед гостями: «Антиквариат... Михаэль Тонет, XIX век. Полный гарнитур...» Отца-производителя они не помнили. Вряд ли он собирал их своими руками — скорее всего, фабричные мастера выгибали под паром буковые палки, превращая их в гнутые ножки и овальные дуги спинок. Стулья были благодарны родителю за плодовитость. Уже несколько столетий их братья разного фасона и неизменного изящества украшали интерьеры домов, ресторанов и офисов. Эти двенадцать, отличавшиеся благородной матовостью дерева и золотистым шелком сидений, переходили из рук в руки два века кряду, сначала по родственным линиям, потом через перекупщиков. Стульям повезло — ничто не разрушило их семью: ни войны, ни смерти владельцев, ни проходящая мода... Последние сорок лет они провели в доме у Озера, а появились тут с легкой руки Хозяйки, для которой слово «венский» означало не пустой звук, а напоминание о родном городе. Они радовали ее, а вот Хозяину, напротив, не нравился их широченный хоровод вокруг дубового стола, доставшегося от прежних владельцев дома. В большом столе, как и в дюжине стульев, пока не было необходимости — их молодая семья была из двух человек, но Хозяйка настояла на своем. Она обожала принимать гостей.

Когда на аукционе антикварной мебели стулья заметили интерес к себе юной пары, то несказанно обрадовались. Им сразу понравилось, как стремительно садится и вскакивает легкая, словно стрекоза, женщина, как важно усаживается на них медлительный господин. Доводы Хозяина, что двенадцать стульев это много и они займут половину комнаты, были отвергнуты. Она не поскупилась и выиграла лот. Хозяин смирился. Он тогда еще очень любил свою молодую жену.

На первое Рождество в доме молодой четы собрались друзья. Их оказалось даже больше, чем стульев, но это не мешало веселиться. Стулья были слегка разочарованы:

Алёна Жукова (Жукова Ольга Григорьевна) — прозаик, сценарист, кинокритик. Автор ряда книг, в т.ч. «К чему снились яблоки Марине» (2010), «Дуэт для одиночества» (2011), «Тайный знак» (2016), «Странная женщина» (2017). Лауреат нескольких литературных премий. Живет в Торонто. Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 3.

кроме искусственной елки, величиной с детское ведерко, не было других украшений, а уж про красные банты и хвойные гирлянды, которыми их обычно украшали прежние хозяева, не было и речи... Вино лилось рекой, оставляя пятна на шелковой обивке, острые каблуки девиц царапали гнутые ножки, а изящные перекладыны спинок покрывались желтым налетом от густого табачного дыма. Стулья страдали. До сих пор им не приходилось сталкиваться с таким непочтительным отношением к их статусу и родословной.

От полного разочарования жизнью в этой семье спасло появление первенца. Гостей поубавилось. Винные пятна и желтый налет были удалены, а девицы на острых каблуках растворились вместе с табачным дымом. Вместо них толстенький малыш, хватаясь липкими ладошками за ножки и сиденья, учился ходить, пуская слюни и сопли. Стульям это тоже не нравилось. Они чувствовали себя униженными и приходили в хорошее расположение духа только в дни праздников. Особенно ждали Рождества. Тогда весь дом преображался — сверкала огнями Ёлка, искрился хрусталь, а натертые Хозяйкой до блеска спинки и ножки стульев мерцали не хуже столового серебра. Нарядные люди рассаживались вокруг стола. Теперь гостям и членам семьи вполне хватало места: во главе сидели Хозяин и Хозяйка, по сторонам близкие друзья, дедушки и бабушки, а в конце стола — няня с ребенком. Ох, эта няня! Она сразу не понравилась стульям. Ее крепкие руки грубо переворачивали их по многу раз на день в поисках пропавших игрушек, а щетка, которой она орудовала, царапалась немилосердно. Ко всему этому — ужасные манеры! Когда никого не было дома, Няня усаживалась с ногами на стул, болтая по телефону или — хуже того — делая педикюр. Стулья вздрагивали, страшась кроваво-красной капли лака. Попади такая на них, пришлось бы смывать ацетоном! Однажды Няню за этим занятием застал Хозяин и вместо того, чтобы отругать, залюбовался голыми коленками, а потом их потрогал, а потом... Большого позора и унижения стулья не испытывали! Кровати и диваны к этому привыкли, но этим двоим нравилось садиться голыми задами на их упругие сиденья. Ни одного из стульев не миновала эта постыдная участь. Так продолжалось до тех пор, пока Хозяйка не поняла, что творится у нее под носом.

После развода ей достались дом и сын, что совсем не мало, и даже ее любимая венская дюжина в придачу... Правда, она перестала зазывать к себе гостей. Место большого дубового стола занял небольшой раскладной уродец из дешевого магазина современной мебели. Стоять вокруг такого стулья считали ниже своего достоинства. Перед Рождеством пошел слух, что их продадут. Они возмутились: «Как можно продавать единственно красивое и ценное, что есть в доме!» Стулья недовольно поскрипывали, а Хозяйка их гладила, любовно смазывая винтики машинным маслом. Не продала, но разлучила! Такого не случалось с ними с момента рождения. Оставив шесть братьев в гостиной, решила, что этого достаточно: стул для себя, для малыша, два стула для родителей, подруги и один на случай появления гостя. Этот особенный гость должен был обязательно когда-нибудь прийти и остаться в доме, но он все никак не появлялся, а стулья томились в разлуке — кто в спальне, кто в детской, кто на веранде и в кабинете...

Они уже не верили, что когда-нибудь опять соберутся вместе, но наступило очередное Рождество. В этот раз оказалось шести стульев маловато: у подруги появился муж, а у сына подружка. Когда все расселись, в дверь постучали. За порогом стояли трое: мужчина в армейской форме и два подростка — мальчик и девочка. Отец

и двое детей направлялись встретить Рождество с родителями покойной жены, но сбились с пути, машина застряла в снегу у Озера...

В тот Рождественский вечер стулья, наконец, воссоединились, а гость и его дети остались в доме навсегда. Очень скоро гость превратился в мужа и купил большой стол, похожий на прежний дубовый, но не овальный, а прямоугольный. Новый муж любил прямые углы и решения. «Солдафон! — презрительно отзывались о нем стулья. — Строит нас, как своих курсантов на плацу, да еще следит, чтобы ни на сантиметр не сдвинулись. Невыносимо!» Они мечтали о красивой жизни, о том, что повзрослеют наконец надоедливые подростки и разбегутся по свету, а старики-родители с их палками и ходунками уйдут на вечный покой; солдафон-муж уедет на службу и останется в доме одна Хозяйка. Они будут встречать Рождество только с ней при свечах и под музыку Венского оркестра...

Все случилось почти так, как им хотелось: взрослые дети разъехались по разным странам; родители умерли; подруга предала, а муж пропал на войне, которая началась сразу после пандемии. Три года мир погружался во мрак и холод, а в доме у Озера еще теплилась жизнь. Хозяйка топила камин остатками мебели. В Рождественскую ночь догорал последний венский стул...

Тапки (Зависть)

Они лежали под Ёлкой в коробке, перевязанной атласной лентой, и выглядели, как пара пушистых белых зайцев с розовыми ушами и носами. Даже без открытки было понятно, что это папин подарок. Он очень любил дочь: называл ее сладким Зайцем, зацеловывал от макушки до пяточек, а теперь, когда выросла и навещала родителей исключительно по праздникам, продолжал дарить мягкие игрушки. Теперь вот эти тапочки...

Мамин подарок — скороварка — являл собой верх практичности и сопровождался банальностями, вроде: «Путь к сердцу мужчины...» Оставалось найти этого мужчину, а с этим у Зайки имелись проблемы.

Вернувшись домой, Зайка обозвала тапки пошлятиной и засунула на обувную полку в дальний темный угол, забыв об их существовании.

Рядом с ними на полке обитали пары разных фасонов и породы. Среди них попадались детища знаменитых брендов, которые на взгляд тапочек, ничем особым не отличались, но все они — именитые и не очень — были прекрасны: лодочки, шпильки, ботильоны, сапожки... Мохнатым тапкам не давал покоя блеск лакированных носов, замшевая мягкость ушек, острая тонкость каблучков. Как им хотелось быть на их месте и вести разгульную жизнь! Несправедливо, когда одним все, а другим пыль и забвение. Их розовые уши и носы посерели, мягкая подошва скукожилась. Они уже не выглядели милыми: нитки, которыми были сшиты, полезли наружу и напоминали червяков. Только и оставалось, что проклинать судьбу и хозяйку, которая их не замечала. Она имела обыкновение скидывать обувь у порога и шлепать босиком по квартире. Утром уходила, а поздно вечером возвращалась, чтобы переночевать, а с утра опять упорхнуть в очередной шикарной паре обуви. Так продолжалось долго и могло довести тапки до полного обветшания, но что-то изменилось в мире. Первыми почувствовали это лабутены. Они простояли невостребованными неделю, потом две, даже через месяц

к ним никто не притронулся. Алые языки подошв полыхнули яростью: «Предательница! Изменяет нам с дворняжками-кроссовками! Где шик, где вечеринки, выставки, концерты? Куда все делось?» Им, конечно, было неведомо, что Зайка, как все жители города и страны, да что там страны — всего мира! — выходила из дому только за едой и на пробежку. Даже работать приходилось не отходя от компьютера и не вылезая из пижамы.

Вот тут-то и должен был наступить «тапочковый» звездный час, но...

Ах, почему они себя не берегли!

Зайка, вспомнив, что у нее есть то, чему сейчас самое время, заглянула в шкаф. Порывшись, отыскала на полке с обувью слежавшиеся пушистые комочки. Тапки выглядели ужасно и буквально рассыпались в руках. Фыркнув: «Китайская дешевка!» — сунула в черный пакет, чтобы вынести на помойку. Они прижались друг к другу в темноте, охваченные душным паническим страхом, как вдруг сверху брызнул свет и полилось что-то соленое и горькое.

Зайка сидела над развязанным пакетом и рыдала, обливая слезами папин подарок. Ей только что позвонили из больницы и сообщили, что отец умер на второй день после подключения к аппарату ИВЛ. Она стряхнула с тапочек пыль, взяла иголку с ниткой и пришила отвалившиеся ухо и подметку.

После похорон тапки уже не снимала. Они держались из последних сил и мечтали об отдыхе. Как им могло не нравиться тихое, спокойное существование в темном углу? Зачем стремились к бурной жизни и хотели быть у всех на виду? Это так утомительно!

Прошли зима, лето, осень... Казалось, что уже никогда не вернется прежняя жизнь, но счастливый день наступил: Зайка сняла тапочки, бросилась к обувной полке и надела заскучавшие лабутены. Она торопилась на большую вечеринку по случаю окончания карантина. Тапки облегченно выдохнули. Им навсегда расхотелось быть на чужом месте. Тут бы на своем уцелеть...

Дверь (Гнев)

Они сразу невзлюбили друг друга — дверь и жена. При первой же встрече старая дверь в загородном доме и молодая хозяйка столкнулись лоб в лоб. Дверь спокойно прожила больше полувека с прежними хозяевами, но они заболели и умерли один за другим. Их дети жили возле теплого океана и не нуждались в даче у холодного озера.

Немолодой солидный господин долго приценивался к одноэтажному коттеджу, а его жена с порога заявила, что нужен ремонт и замена буквально всего, но в первую очередь — двери в кабинет. Стукнув по ней ладошкой, скривилась от боли. Сквозь ржаво-коричневую краску просвечивала металлическая обивка. Дверь была бронированной и напоминала те, что ставят в складских помещениях, опасаясь грабителей.

— Пойми! — не соглашался муж. — Она единственная, за которой можно спрятаться или что-то спрятать. Хозяин тут хранил оружие. Охотником был.

— Но ты же не охотник, а писатель! — фыркала жена. — Твои книги не выстреливают на миллионы. Что тебе прятать?

Дверь угрожающе скрипела. Муж пытался придержать ее, входя в кабинет, но она, как назло, захлопывалась с грохотом. Тут же раздавался вопль: «Да когда ж это

кончится! Поменяй, слышишь! Я требую!» Слушая их перепалки, дверь думала, что лучше бы писатель заменил жену — сегодня она требует одно, завтра другое... Только за железной спиной двери будет ему покой и радость.

Приближался Новый год. Встречать собирались узким кругом, не нарушая правил карантина. Другим хотелось вырваться из города, посмотреть дом, погулять у озера... Жена поставила условие — никаких гостей, пока стоит на месте эта ржавая уродина, и если муж хочет сделать новогодний подарок, то лучшим будет новая дверь.

Такого поворота он не ожидал — в глубине души надеялся, что жена остынет. За дверью он чувствовал себя, как за каменной стеной — просто так не войдешь: замочек, ключик... Охраняя его творческий покой, дверь поглощала звуки: тушировала назойливое бормотание телевизора, глушила телефонные звонки, раздражающие скрипы и шорохи. Жена заявила, что ей лишний раз не хочется подходить к кабинету и пробегала мимо не задерживаясь.

Сначала его письменный стол стоял у решетчатого окна, но потом развернулся к двери: заоконная птичья жизнь утомляла, а рисунок облупившейся краски настраивал на философский лад. Давно ему так не писалось! Надо было придумать, как погасить конфликт, и он решил вызвать мастера. Менять ничего не собирался — просто придать двери приемлемый вид. Можно было обить шпоном под красное дерево, поставить механизм доводки, чтобы не хлопала...

Оказалось, что сделать это не просто — многие фирмы обанкротились из-за упадка строительства во время пандемии, а те, что выжили, ушли раньше времени на рождественские и новогодние каникулы. Менеджер предупредил, что прием заказов на этот год заканчивается завтра, каталог в интернете прилагается... Узнав, что речь идет о спецзаказе и нужна реставрация, предложил приехать, поговорить с мастерами, может, кто и возьмется, а о цене лучше договариваться на месте. Он решил не откладывать поездку и предупредил жену, что задержится на пару дней.

— А точнее можно? — она неохотно отвлеклась от болтовни по телефону. — Я не намерена торчать тут в одиночестве.

— Поехали со мной, если хочешь, — кисло предложил писатель. — Но учти, кроме двери, у меня еще в издательстве дела...

— Вот еще! Я лучше прошвырнусь по фермерским рынкам. Только очень прошу, не надо мне по сто раз на день звонить! Это раздражает.

— Да я вообще могу тебе не звонить, если на то пошло. Еду только ради тебя.

— Ну не злись. Ты ведь за подарком для меня...

— Это никакой не подарок. Настоящий получишь под елку. Он уже тебя дожидается, а мне бы мастера найти и уговорить...

Как только муж вышел за порог, жена отворила дверь в кабинет. Дверь за ее спиной тихонько захлопнулась, словно боялась спугнуть. Обшарив ящики стола, книжный шкаф, сейф, в котором прежний хозяин держал ружья, жена огорчилась — ничего, похожего на подарок, не нашлось, а воображение, тем временем, рисовало волшебную картинку непременно алой бархатной коробочки, на дне которой блестел и переливался, как елочная гирлянда, бриллиантовый браслет. В конце разочаровавшись, она направилась к выходу. Дернув за ручку, удивилась — дверь не поддавалась. Порывшись в карманах, вспомнила, что ключ остался в замке с той стороны. После получаса дерганья и рывков сдалась. Надо было искать помощь. Психанув, заехала по двери ногой. Дверь глухо ухнула, а нога заныла. Под ложечкой тоже заныло от мысли, что

позвонить не получится: мобильный остался в спальне, а городской не установили — хозяин не любил телефонов и вздрагивал при каждом звонке. Она подошла к окну, глянула с тоской через решетку на пустую проселочную дорогу: не вылезти отсюда, не докричаться, домов поблизости не видать — только лес, да озеро...

Ситуация выходила из под контроля. Она знала по опыту, что означают обещанные несколько дней, когда муж зависает в издательстве. Он забывает обо всем. Может и через неделю вернуться. До Нового года как раз неделя. Представив, что она тут просидит неизвестно сколько без еды, воды и туалета, закричала: «Сука!», набросившись на дверь с кулаками. В ответ на оскорбление из дверного нутра послышался зловещий скрежет. Она обернулась к письменному столу — там должен быть мужнин лэптоп, а значит есть связь через интернет... Черт! Он забрал его с собой. Выходит, что она отрезана от всего мира! Проклятая дверь!

Где-то в глубине дома послышался звонок мобильного. Отчаяние нарастало. Схватив с письменного стола подставку с карандашами, она села на пол и заглянула в замочную скважину. Там торчал ключ. Попыталась вытолкнуть его, сунув в скважину карандаш. Он с хрустом сломался, застряв намертво. Собрав слюну, в ярости плюнула на дверь и тут же почувствовала, что рот пересох и очень хочется пить. Обведя взглядом кабинет, поняла всю безвыходность ситуации: кроме полок с книгами, стола с настольной лампой, вертящегося кресла да старого проигрывателя прежних хозяев, в кабинете ничего не было — даже захудалого диванчика или ковра. Не было горшка с цветами, который бы очень пригодился, теплого пледа... От страха она завывала. Птица, сидевшая на оконной решетке, в испуге упорхнула, тревожно чирикавая. Если бы кто-то понимал птичий язык, то наверняка пришел бы на помощь, но увы...

Муж вернулся накануне Нового года. Ему удалось найти мастера, уладить все дела с новой книгой. За день до возвращения он, наконец, решился позвонить жене, хотя она и просила этого не делать. Новая жена — новые капризы. Телефон молчал и был переполнен сообщениями. Свое он так и не смог оставить. Занервничав, заплатил мастеру двойную цену и уговорил срочно выехать. Через два часа они были на месте.

Жены нигде не было. Из-за двери кабинета доносились невнятные звуки, как если бы кто-то мучал кошку или пытался спеть оперную арию, не имея ни слуха, ни голоса. Муж рванул дверь, она не поддавалась. Торчащий в скважине ключ не проворачивался, а на его крики жена не отвечала. Мастер предложил взломать, но предупредил, что придется ставить новую дверь. Он долго мучился: в ход пошли домкрат и болгарка. Когда дверь была раскурочена, им в нос ударила вонь, а в уши какофония звуков. Пол был загажен, на проигрывателе крутилась пластинка, а на подоконнике сидела жена. Она в полный голос подвывала «Аиде» и синими от холода пальцами отковыривала снег с решетки, жадно запихивая в рот. Завидя мужа, затряслась от злобы, обвиняя его во всех смертных грехах, а двери показала средний палец: «Не верила? Получай сволочь! Теперь тебе крышка!»

В стоне и скрежете израненных петель можно было расслышать: «Ненавижу!»

Дверь пришлось заменить, а через какое-то время и жену тоже...

Холодильник (Чревоугодие)

Лучше года, чем этот, не было в жизни холодильника. Раньше он и думать не смел о соперничестве с диваном и телевизором. Чего уж говорить о компьютере и телефоне! Молодая пара хозяев поначалу относилась к нему с безразличием — пробегали мимо, словно он пустое место. Заглядывали только для того, чтобы ухватить сок или пиво: кроме банок, бутылок и окаменевшей пиццы там ничего не водилось. Бывали, конечно, остатки и послаще: свиные ребрышки из ресторана или упаковка шоколадного мороженого, но чаще недостойный фаст-фуд, вроде размякшей картошки фри с недоеденным гамбургером.

Холодильник задвинули в угол подальше от плиты, которая, как и он, жаловалась на судьбу: в ней пылился подаренный на свадьбу набор сковородок и кастрюлек, которые так и не познали тепла, зато чайник, кофемашина и микроволновка не жаловались — им всегда хватало работы.

«Вот появятся дети, — ежился от внутренней пустоты холодильник. — Тогда все изменится: молоко, творожки, детское питание...» Но этот счастливый момент все никак не наступал, зато наступило новое время. Телевизор сообщил, что это надолго — даже, возможно, навсегда.

Хозяева перестали убегать по утрам, проглотив чашку кофе, — они засели дома. Работали теперь не вставая с дивана, а еду заказывали по телефону. Уже нельзя было сказать, что в холодильнике «мышь повесилась», но для припасов все равно хватало одной полки. Плита завидовала даже этому — к ней по-прежнему не подходили...

Поворотным днем стал тот, когда в холодильнике появились яйца. На завтрак была приготовлена яичница-глазунья. Плита ожила, сковородка накалилась... Вскоре к яйцам добавились сыр и бекон. Теперь по утрам на сковороде под крышкой пузырился пышный омлет.

Разносчиков пиццы сменили крепкие парни с большими коробками, наполненными овощами, зеленью, мясом и рыбой. Плита уже не остывала, а холодильник, наоборот, поддерживал холод, чтобы ничего не испортилось. Рядом с магнитиками городов на его дверце появились картинки с описаниями любимых рецептов: луковый суп напротив Парижа; ризотто возле Рима; буррито и фахитос прямо над Мехико. А каким становился борщ после ночи, проведенной в холодильнике! — рубиновым, крепким, как дорогое вино... Особенно удавалось радовать хозяев холодцом — он застывал до нужной пружинисто-нежной консистенции, как и желейные десерты. Ягоды в нем никогда не портились, а молоко не скисало. Холодильник урчал от усердия и удовольствия, а хозяева то и дело заглядывали в него с неизменным: «Что бы такого вкусенького?» Даже иногда ссорились, если кто-то среди ночи крался на кухню, не замечая, что сзади уже пристроился другой и зорко следит, чтобы тот не съел клубничный десерт или запеченную с яблоками утку.

Так продолжалось почти год, и холодильник уже не представлял другой жизни. С нетерпением ждал главного пиршества — встречи Нового года. Он хорошо помнил, что даже в худшие времена, когда хозяева целыми днями пропадали на работе, в этот праздник его полки ломились от изобилия: обязательная салатница с горой оливье, блюдо селедки под шубой, корзиночки с паштетом, фаршированные яйца, грибные

жульены... Чего только не было! А ближе к ночи приходили гости с кастрюльками и судочками, тортиками и пирожками. Всю ночь со вкусом ели и пили, а потом неделю доедали салаты, котлеты, заливную рыбу и пирожные. Он втягивал в себя упоительное смешение запахов чеснока и ванили, хрена и рыбы, мяса и шоколада, стараясь сохранить до следующего года. Хозяйке это почему-то не нравилось. Она отмывала его до блеска, и он дальше продолжал нести позорную службу шкафа для напитков. Но теперь стал чуть ли не главным в семье. Весь год хозяева от него не отходили. Так почему их лица не радостны? Заглядывают в него от скуки и едят от скуки... Неужели отменяют пир?

Телевизор ворчливо пророчил, каркая из соседней комнаты: «Кар-рантин! Кар-раул! Праздники сокр-ратить, больше пяти не собир-раться! Без масок — ар-рест!» Радио возмущалось: «Старый пропагандистский маразматик! Кто тебя слушает и смотрит? Расслабьтесь! Если очень хочется, то можно...»

Холодильник им не верил и ждал. Лучший год в жизни должен был закончиться большой жратвой! Его нервы пошаливали, он горячился, что было ему категорически противопоказано! Ну, а после того, как услышал от хозяйки: «Что б ты сдох! Из-за тебя теперь страшно становиться на весы!» — совсем потек...

Ремонтировать его не стали, а молодая пара разбежалась — они чудовищно растолстели и совсем перестали друг другу нравиться...

Телефон (Прелюбодеяние)

Теперь на подушке вместо женской кудрявой головки лежал он — верный друг и соратник — навороченный последний айфон с большой памятью и тремя камерами. Если бы хозяин спросил у него имя той брюнетки, из-за которой сбежала кудрявая, то телефон бы ответил не задумываясь и даже показал откровенное селфи, но хозяин думать о ней забыл, как и про сотню других, чьи имена стерлись из его памяти. Его, но не телефона... А вот Кудрявая застряла вроде бага — не избавишься, даже если перезагрузить.

Хозяин по сто раз на дню бомбил ее извинительными эсэмэсками, умоляя вернуться, но она не отвечала. Батарейка сдыхала, телефон и хозяин чувствовали себя разбитыми и старыми. Им даже не хотелось выходить на охоту, да и какие птички и зайки во время карантина? Прошли сладкие времена, когда в переполненных барах и клубах отрывались по-полной полуголые девицы. Хозяин доверял телефону подсматривать и запоминать, а если удавалось склеить, — вести переписку, исправляя грамматические ошибки. Потерять верную подружку во время пандемии, на взгляд телефона, было катастрофой! Да еще такую — с розовыми губками и сосочками, с розовыми пяточками, а главное — с розовым айфоном. Ох, этот айфончик с лакированным футляром под цвет маникюра, с мелодичной арфой звонков, с чириканьем мессенджера! Хозяйка имела обыкновение бросать его где попало. Можно было сгореть от возбуждения, когда они лежали бок о бок на столе, на тумбочке и даже в постели, синхронно вибрируя, позвякивая от удовольствия и быстро разряжаясь...

Внутренний мир ее телефона был прекрасен: в нем не было дурацких игр со стрельбой и покером, сомнительных сайтов с полуголыми девицами и уймой ненужных

приложений. Там были чистота и покой: картинки с рецептами еды, стихи и фотографии путешествий. Хозяйка не нагружала его ненужной информацией и редко в него заглядывала. Она смотрела во все глаза на того, кто не выпускал из рук свой.

Все рухнуло после первой волны. Кто тогда знал, что она первая? Жизнь ненадолго вышла из психоза, стали открываться один за другим рестораны, клубы, стрип-бары. Девушки оголились под летним солнцем. Вот и встретила на открытой веранде офисного кафе та самая брюнетка с остренькой грудкой под тонкой майкой. И ведь не особо искали приключений: хозяин просто зашел перекусить, а тут такое!

Зависли с ней на всю ночь. Нелегко тогда пришлось: Розовый все время присылал сообщения: «Милый, ты где?», «Ответь, я волнуюсь», «Позвони!»... Телефон вздрагивал, страдал и не решался ответить за хозяина, а ведь это могло спасти — наплел бы успокоительной ерунды про внеурочную работу или спасение друга...

Когда наутро они вернулись, то застали ее в слезах. Розовый тоже едва не накрылся от сырости. Запоздалое вранье не помогло. Она унюхала запах духов, собрала вещи и ушла, хлопнув дверью.

И вот уже полгода хозяин пытается ее вернуть, а телефон повидаться с розовым собратом. Оба надеются на чудо, ведь скоро Новый год, а в это время люди становятся сентиментальнее и тянутся друг к другу, скучая по человеческому теплу. А вдруг и ее потянет назад? Хозяин звонит ей, шлет любовные письма с картинками разбитого сердца, выслеживает в социальных сетях... Рукоблудием он сыт по горло, ему надоел секс по телефону, а порно навевает сон. Только фотографии Кудрявой возбуждают. Когда-то они нащелкали ее на целый мегабайт во всех видах и позах. Есть и такие, о которых она не знает — сделаны они исподтишка в кровати, в ванной, на кухне... Перебирая в памяти и елозя пальцами по экрану, хозяин рассматривает ее стройные бедра, гибкие ноги, округлости груди, складочки и родинки... Одну фотографию телефон особенно любит: на ней она, раскрасневшаяся от сна, прикладывает к нежному маленькому уху свой розовый айфон. Одеяло съехало, открыв бесстыдную наготу тела, взгляд мечтательно устремлен в потолок, а на палец накручен рыжий локон. Хозяин тоже частенько разглядывает именно этот снимок и не только разглядывает — он ложится рядом, раздевается...

Таких стонов не слышала ни одна работница интим-услуг, которых он перепробовал пачками. Телефон не сомневался — если Кудрявая узнает, что творится в этот момент с ее бывшим возлюбленным, то не устоит.

Кто знает, как это случилось и чья вина в том, что в момент подхода к оргазму, включилась камера — это ли желание телефона угодить или неосторожность владельца?

Видео должно было прямиком улететь на розовый айфончик, но унеслось в облако, а оттуда расползлось по сети. О, какой грянул скандал! Кудрявая не оценила новогодний сюрприз. Обозвав бывшего извращенцем, заблокировала номер. Связь с Розовым прервалась навсегда...

Интернет еще долго обсуждал параметры мужских достоинств хозяина, степень эрекции, тембр голоса, потливость... Его уволили с работы за непотребное поведение и нарциссизм. В порыве злости он швырнул телефон об стену. Телефон треснул, но не разбился, хотя память, конечно, пострадала — из нее стерлись сайты секс-услуг, контакты подружек и девиц по вызову. Хозяин отдал телефон в починку, но оказалось, что в данном случае память восстановлению не подлежит...

Печь (Алчность)

Она быстро раскалялась до красна: жарко дышала, гудела огнем, мигом сжирая в топке поленья.

— Ненасытная какая! — злился дед, подкладывая увесистую чурку. — Все тебе мало, как моей бабе в молодости... Сама знаешь, чем кончилось — перегорела, а потом и вовсе сгорела от болячки злой. Хорошо, не от заразы этой нынешней... Хотя по-людски проводили — всем поселком, а сегодня на похороны только родне можно. А где взять ту родню? Сын теперь ни ногой. Обиженный... А с чего, спрашивается? Да потому, что я завещанные бабкой деньги внукам не отдал — мои кровные! Ладно, пусть не мои, а наши — работала не меньше моего, но этим паршивцам за что? Они сюда носа не кажут: все им грязно, все воняет... А то, что в этом доме отец родился и дедушка копейку к копейке откладывал, чтобы его построить... Плевать им на лес и озеро, на хозяйство наше. Только бы в компьютеры свои пялиться. Ты помнишь, как на похоронах пыль в глаза пускали? — он повернулся к печи, отодвигая заслонку. — Мы такие крутые, у нас денег куры не клюют, давай, мол, к ним в город переезжай, а дом этот — старьё немодное — в коттедж двухэтажный перестроим. Тебя, между прочим, тоже собирались в камин переделать. Типа, хорош, дед, на печи греться, надо у камина, в кресле, с бокалом вина... Тьфу!

Печь, зловеще загудев, вспыхнула. Она все помнила — и смерть хозяйки, и рождение хозяйского сына, даже то, как закладывали ее саму. Печника того тоже не забудет — это по его вине она такой ненасытной стала. Хотя чья тут вина — большой вопрос. Печник был неразговорчивый, бурчал что-то под нос. Но то, что ее касалось, — расслышала и загордилась. Оказывается, у нее были щеки, как у людей — их следовало облицовывать; сердцевина, которую называл горнилом и даже устье, как у реки, куда дрова подкладывать. Только одно слово ей сразу не понравилось: поддувало печник называл хайлом. И не только поддувало... Когда дед, тогда еще молодой, орал на мастера за перерасход кирпича и кафеля, тот ему ответил: «Заткни свое хайло!» Дед его выгнал, не доплатив, а печник, в отместку, оставил совсем маленькую и невидимую щель на стыке стен, откуда просачивался холодный воздух. Потому ей всегда не хватало жару. Дед и бабка ссорились: он все дрова экономил, а она замерзала. Вот и сейчас дед, как пить дать, уляжется спать в холодном доме. Аж пар изо рта... Завалится под потолок на лежанку да еще и два одеяла на себя натянет. Может передумает все же, дровишек подбросит... Нет... Скупердяй проклятый! А что это он задумал? Слышишь, я еще не прогорела! Не трогай задвижку!

За ночь печь не просто остыла, а заледенела от страха — дед с нее не встал. Так и лежал весь день закованный. Только к вечеру постучалась соседка. Не докричавшись, ушла, а на следующий день опять пришла. Услышала, как блеют козы недоенные и квохчут куры некормленные, и пошла людей на помощь звать...

Хоронить приехали сын с женой и внуки. Не больше пятнадцати человек разрешалось собираться для прощания, да и этого не набралось. Не любили деда в поселке за его прижимистость и осуждали, что волю жены не исполнил. А вскоре на месте старого дома уже строился новый, роскошный. Жизнь города постепенно перемещалась в глубинку — поближе к земле, воде, огню...

Сын и внуки взялись за дело капитально. Поначалу это даже понравилось печке: пришли горланившие на непонятном языке узкоглазые парни, разнесли кувалдами стены, а ее не тронули, но потом пришел печник, совсем не похожий на прежнего. Этот напоминал фокусника — жонглировал рисунками и чертежами, брезгливо обтирал руки от сажи и наговорил много мудреных слов. Старую печь решено было переделать в камин в стиле барокко с лепниной и позолотой. Такой роскоши она отродясь не видела. Только вот секретную щель в кладке так никто и не заметил, и огонь продолжал яростно сжирать дрова.

Вскоре стало понятно, что у камина никто не собирался греться, просто разжигали иногда для красоты и хвастовства перед гостями. Еще украшали его к Рождеству хвойными ветками и гирляндами, а на каминную полочку выставляли семейные фотографии в богатых рамках. Фотографий прежних хозяев среди них не было — они пылились в семейных альбомах. Все реже в дом приходили гости, соблюдая новые правила, и все реже загорался огонь в камине. Теплившаяся в нем душа старой печи, негодовала: «Зачем им я? Для кого дрова в поленнице? Сами не хотите, дайте мне согреться!»

Наконец наступил Новый год. Как тут без камина, когда собирается вся семья за столом, а в углу серебрится пахучая елка? В этот вечер никто не жалел дров — поленья летели в огнедышащую пасть одно за другим. Из трубы валил дым, искры взмывали в морозное небо, а в доме нарастал градус жары и веселья. Начались танцы, а потом баня и катание в снегу... Никому уже не было дела до диких плясок огня. Его языки потянулись к подставке для дров и к ящику с еловыми шишками, потом перекинулись на шторы и елку...

Дом выгорел дотла, а посреди пожарища, пронзая небо трубой, стояла черная от копоти печь, широко разинув рот. Чего ей на этот раз не хватало? Наверное, опять тепла...

Окно (Уныние)

Это окно смотрело на юго-восток. Таких на последнем этаже панельной девятиэтажки было несколько — в них первых всходило солнце. Поутру они вспыхивали, а после полудня гасли, передавая эстафету собратям северо-западного крыла, в которых догорал закат. За окнами текла жизнь: рождались и умирали, женились и разводились, приезжали и уезжали люди, объединенные одной особенностью — они любили встречать и провожать солнце не выходя из дому. Оно всходило над озером, а заходило за высокой горой. От живописного пейзажа захватывало дух и потому часто можно было заметить за стеклом мечтательное лицо. И только крайнее окно в углу под крышей не разделяло общего восторга. Оно всегда было занавешено плотными шторами, охраняя сумрачный мир хозяев.

Когда-то все было по-другому: его распахивали навстречу солнцу и дождю, отмывали к праздникам, ставили на подоконник цветы. Тогда в квартиру новенького дома въехала семья — четверо взрослых и еще не родившийся младенец. Старшие, которые вскоре должны были стать бабушкой и дедушкой, вышли на пенсию и могли себе позволить не вскакивать ни свет ни заря, поэтому выбрали западную сторону, а

молодая пара, наоборот, рано вставала, и плотные шторы им были не нужны — только легкий тюль, прозрачный и воздушный, такой же, как их представление о жизни.

С таким легкомыслием категорически была не согласна свекровь. «Что значит легко? Так не бывает, так не должно быть! Мы так не жили — всё кровью и потом...» День и ночь она учила молодых жить — на что тратить деньги, что покупать, как убирать и готовить, как правильно мыть окна. Хотя, скорее, не мыть, а драить: под ее крепкими пальцами стекла скрипели и стонали, а невестка закусывала губу. Пока ждали рождения ребенка, молодые помалкивали, зато уж потом дали себе волю.

Мальчик родился слабым, болезненным, все время мерз и кричал. Окно стали плотнее закрывать, борясь со сквозняками. Оно запотевало, мутнело и, как уголок одеяла, иногда отгибало маленькую форточку. Бабушка и дедушка ругались, отстаивая свои методы воспитания: свежий воздух, закалка, холодные обливания... Стекла дрожали от их криков и надсадного кашля младенца. Жить всем под одной крышей стало невыносимо. Сын и невестка, несмотря на чудесный вид и дом, решили съехать, но этого не случилось — свекровь, закаливая внука, сама простудилась, потом слегла с воспалением легких и уже не встала...

В день ее похорон ласточки свили гнездо под крышей возле окна. Много лет прилетали, сновали туда сюда, а вот после смерти дедушки исчезли. Никто не знал почему. Только болезненный мальчик знал и молчал. Он невзлюбил птичье копошение и радостную переключку за то, что летают где хотят, а ему приходится сидеть дома с очередной ангиной. Пока никого не было поблизости, взбирался на подоконник, открывал форточку и тыкал веником в ласточкин дом.

Когда вырос и пошел в школу, стал меньше болеть, зато пакостничать больше. Теперь он жил в комнате с окном на восход, а родители переселились в другую — с видом на закат. Так и должно быть: жизнь восходит из темноты, достигает зенита и постепенно скатывается во мрак...

Оказалось, что с этим трудно было согласиться отцу — он искал и нашел ту, которая не боялась обнажать молодое тело под самыми яркими рассветными лучами. Закат остался жене, а сын возненавидел весь белый свет. Чтобы не видеть счастливых людей в окнах и под окнами, он заложил рамы постерами любимых фильмов, а потом повесил те самые не пропускающие свет черные шторы. Вместо цветов на подоконнике появились припрятанные сигареты и пепельница, тарелки с недоеденной едой, недочитанные книги, грязные носки... Спертый воздух давил на стены, а смрад впитывался в складки штор. Иногда в комнату тайком проникала мать. Все, что ей хотелось — это открыть форточку, но если сын замечал, то набрасывался с обвинениями во вторжении в личное пространство и ругал на чем свет стоит. В конце концов, повзрослев, врезал замок.

Разговаривать между собой мать и сын перестали. Она робко заговаривала, но он отворачивался, напяливал капюшон, а в уши вдевал наушники, прячась в душной комнате. Ей приходилось молча уходить к себе и, глотая слезы, смотреть, как угасает день. Обмирая от страха, пыталась поймать его взгляд, но сын прятал глаза и подолгу не выходил из комнаты, а иногда пропадал. Его находили в дурных компаниях. Учиться он бросил, а работать не хотел — лежал целыми днями на диване и смотрел в зашторенное окно. Что там старался разглядеть — сам не знал, но черный квадрат завораживал, притягивал, волновал...

Ненадолго забрезжил «свет в окошке» — сын, не вставая с дивана, нашел в интернете подружку. Она тоже оказалась не большой любительницей яркого света, но

плохие запахи нравились ей еще меньше. Подружка первым делом распахнула шторы, зажала нос и принялась убирать. Стекла драила так, что они стонали, точь в точь, как четверть века назад. Не успокоилась, пока не оттерла их до полной прозрачности. Еще отмыла от пятен подоконник и поставила на него цветы... Все это не понравилось окну. Его плющило и трясло, как, впрочем, и сына. Он скинул цветок с подоконника, плотнее задернул шторы и выпроводил подружку. Это случилось перед тем, как мир изменился, а в окнах появилось все больше печальных лиц. Какими бы прекрасными ни были восходы и закаты, одинаковость картинки утомляла. Людям хотелось разнообразия, они страдали на карантине — все, кроме тех, кто привык смотреть в пустоту.

Перед новогодними праздниками мать почувствовала себя плохо — поднялась температура, болела голова. Тест показал, что у нее вирус, а у сына нет. С теми, кто живет бок о бок, такое случалось. Просто повезло или помогло то, что не пересекались. Сейчас она думала об этом с радостью. Ее болезнь протекала тяжело. В больнице накануне Рождества ее подключили к аппарату ИВЛ. Шансов было мало. Оставалось надеяться на чудо.

Многие только на это и надеялись, с облегчением прощаясь со старым годом и с надеждой встречая новый. В окнах отражались всполохи фейерверков и петард, пенились бокалы с шампанским. Сын в чудеса не верил. Он смотрел на телефон и плакал, удивляясь тому, что плачется легко. Раньше, когда хотелось, слезы не лились, а душили. Теперь свободно текут, капаят с подбородка, но воздуха все равно не хватает. Он раздвинул шторы. Над замерзшим озером кружил снег и стояла полная луна. Серебристая дорожка стелилась по льду. Соседка, гулявшая с собачкой, заметила, как под крышей внезапно дрогнуло и распахнулось окно. Человек, стоящий на подоконнике, подставил заплаканное лицо холодному ветру и снегу. Посмотрев на небо, занес ногу, чтобы шагнуть в пустоту, но от порыва ветра окно с треском захлопнулось, вытолкнув его назад в комнату. Собака залаяла, соседка закричала. Сверху посыпались осколки. Они были похожи на сорвавшиеся с крыши сосульки...

Он сидел на полу, вытирая о рубашку израненные в кровь руки и улыбался. Ему пришло сообщение из больницы, что мама дышит сама. Он встал, подошел к разбитому окну и вдохнул полной грудью морозный воздух.